

«ВЫСТУПАТЬ В ПАРАНДЖЕ Я ПОКА НЕ СОБИРАЮСЬ»

Блистательному дебюту этой певицы, наверное, позавидовали даже некоторые эстрадные знаменитости. Безвестная первокурсница музыкально-педагогического института имени Гнесиных неожиданно получает предложение из Лондона записать сольную пластинку, да не от кого-нибудь, а от Ричарда Найлса — одного из продюсеров легендарного Пола Маккартни. Еще до окончания работы по этому контракту выходит ее диск с одиннадцатью русскими романсами, да не где-нибудь, а на известной английской фирме грамзаписи «Олимпия».

У нас Валерию пока больше знают как исполнительницу романсов, как участницу конкурса «Ступень к Парнасу» и победительницу «Братиславы-92». Вокруг ее имени ходит много слухов, почвой для которых, скорее всего, стал образ таинственной и загадочной женщины, созданный Валерией в телевизионных клипах.

В общем, повод для встречи был, и вот я у нее в гостях. Не удержавшись, начал беседу со слухов. Разочаровался сам, разочарую и любителей сенсаций: ни один из них не подтвердился.

— Мне и самой всегда забавно узнавать от друзей и знакомых, с кем же меня породнили на этот раз. Я уже была внебрачной дочерью Раймонда Паулса, бывшего премьера Николая Ивановича Рыжкова. Моя родословная много скромнее, я всегда любила и люблю своих настоящих маму и папу, педагогов музыкальной школы, и не променяю их ни на кого. А виной всему, наверное, отсутствие фамилии в титрах моих клипов, меня все знают и объявляют на концертах просто как Валерию... Так уж мне нравится.

— С родителями и фамилией вроде бы разобрались. Однако намного серьезнее слухи и предположения «знатоков» о ваших тайных суперспонсорах...

— В число моих благодетелей записали и «теневики», и тещинского миллионера-любовника, и даже воротил колумбийской наркомафии. Все это чистая правда... если кому-то непременно хочется, чтобы все было именно так.

Вот вы улыбаетесь, это хорошо, что у вас есть чувство юмора. Мне же не до смеха, и весь этот бред уже изрядно надоед. Если говорить серьезно, то никакие теневики не станут вкладывать деньги в съемки клипов, в это заведомо убыточное дело, потому как у нас нет цивилизованного рынка видеопроката, а наше родное те-

левидение авторам клипов не платит ни копейки, напротив пытается взять с них деньги за показ.

— Валерия, давайте закончим со слухами, лучше поговорим о творчестве, о русском романсе, любви и которому вы пытаетесь реанимировать в зачерствелых сердцах наших соотечественников. Но прежде все-таки несколько слов о том, как вы попали за границу?

— Постарались звезды. Наверное, судьбе было угодно, чтобы в тот вечер все случилось именно так. Подружка из института попросила отработать за нее в музыкальной программе одного из престижных московских клубов. Как раз в этот день здесь находился продюсер из Англии. После концерта он подошел ко мне и сразу же предложил заключить контракт, предусматривающий работу на студиях Западной Европы и над пластинкой, музыку для которой написал молодой композитор Виталий Бондарчук, а автором слов был он сам.

Осенью она должна появиться в магазине Великобритании, а затем, надеюсь, и у нас.

— А как же вам удалось записать там еще и пластинку с романсами да к тому же на русском языке?

— Дело в том, что заказчиком была солидная английская фирма «Олимпия», специализирующаяся на записи классической музыки, фольклора. Кито-то из

ее представителей услышал, как я напевала один романс, и решил, что единственное, чего не хватает британским слушателям, так это наших романсов. Ну, у богатых свои причуды, я же отказываться не стала.

Записывать решили на русском языке, но в современной музыкальной обработке. В противном случае эти одиннадцать романсов на незнакомом языке, да еще и под несколько однообразный перебор гитарных струн превратились бы для английских слушателей в одну нескончаемую заунывную песню.

Ни за что не догадаетесь, кто был руководителем этой программы: Густл — известный продюсер многих популярных западных рок-групп, играющих в стиле «хэви метлл». Представляет себе этого любителя тяжелого рока (волосы до плеч, тертые-перетертые джинсы, ботинки в металлических заклепках), влюбившегося в русский романс...

— Так вы окончательно опередили для себя амплуа романсовой певицы или это временное увлечение?

— Никогда таковой не была и даже не предполагала, что когда-нибудь серьезно этим буду заниматься. Только потом, прослушав десятки старинных пластинок, просмотрев массу нотных и поэтических сборников, я открыла для себя незаслуженно забытый чудный мир русского романса.

Меня особенно поразила поэтичность текстов. В представлении многих бытует мнение, что романс — это что-то из жизни голубей, какие-то цветочки, свечки, беспросветная меланхолия и тому подобные сентименты. Ничуть. При всей сдержанности и такте их содержание пронизано бурными страстями, порой с изрядной долей того, что сейчас принято называть «эротикой». Судите сами — вот пример:

Черная роза розу ласкала,
Фиалка и фиалке листки
простирала.
Сирень сладострастно сирень
целовала,
Лилия лилии что-то шептала.
Увы, это были цветы,
А не я и не ты.

Или из другого более известного романа «Уголок».

Дышала ночь потоком
сладострастья,
Неясных дум и трепета
полна.
Я вас ждала с такой
безумной страстью,
Я вас ждала и млея у окна.
Наш уголок я убрала
цветами.
К вам одному неслись
мечты мои.
Минуты мне казались
часами,
Я вас ждала, вы так
и не пришли...

Умели наши предки «высоким слогом русского романса» говорить о своих сердечных чувствах и переживаниях. Романсы для них были своеобразной формой общения, объяснения в любви. Напевая их, он или она взглядом обращались к своему избраннику, и этого было достаточно, чтобы все понять. Канули в лету те времена, а жаль.

— Но ведь вы, записывая сейчас свои клипы, не стараетесь хотя бы внешне соответствовать тому ушедшему в небытие образу пылких, но сдержанных в своих проявлениях влюбленных.

— Во-первых, все мои клипы не похожи друг на друга, в них различная сюжетная основа, изобразительный ряд. Во-вторых, я вовсе не собиралась копировать исполнительницу начала века, а уж тем более певицу наших застойных времен, когда на сцену выходила пышногрудая тетя в черном концертном платье и, заламывая руки, поставленным голосом пела ноты.

Естественно, мое исполнение вызывает неоднозначную реакцию, а злые письма получаю в основном от людей пожилого возраста. И все же, несмотря на их увещания, выступать в парандже я пока не собираюсь и не хочу на сцене быть похожей на утолщенную копию микрофонной стойки.

Я хотела избавиться от навившихся оскомину шаблонов, максимально омолодить манеру исполнения старинных романсов, чтобы они стали понятнее сегодняшнему слушателю. Особенно молодежи, большая часть которой даже и не подо-

зревает о существовании этого песенного жанра, о пленительных мелодиях и чувственных стихах. Возможно, они помогут ей найти замену пошлости, безвкусице и грязи, царящей в наших эстрадных подмостках и в музыкальных телепрограммах.

— Хотелось бы верить, что ваши усилия будут не напрасны и все сделанное вами дойдет до адресата. Перед тем как попрощаться, два вопроса по «горячим» следам. Что это за информация об аварии, в которую вы попали в Крыму? Ваше впечатление о закончившемся недавно музыкальном фестивале «Юрмала-92»?

— В середине июля я прилетела в Крым на съемки телевизионного новогоднего «Огонька». По дороге из аэропорта в Ялту наша машина на оживленном перекрестке столкнулась с грузовиком. К счастью, все обошлось, если не считать нескольких ушибов и синяков.

В Юрмале мне повезло несколько больше: я получила там приз зрительских симпатий. Не считая массы мелких организационных накладок, фестиваль прошел на нормальном восточноевропейском уровне. Состав исполнителей был несколько выше, чем в предыдущие годы, однако ощущения праздника я не испытала, как и многие другие певцы и зрители, хотя для последних стоимость одного места за столиком в зале доходила до 90 тысяч рублей.

— Мне остается только поблагодарить вас за это интервью и пожелать вам успехов. До встречи на концертах и на телеэкране.

Беседу вел
С. КАЛИНИН.